

УДК 811.512.1

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.24

**МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВЫХ
КИРИЛЛИЧЕСКИХ КНИГ НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале книг «Из премудрости Иисуса сына Сирахова» (1891)
и «Букварь для киргизь» (1908))**

© А. А. Гаджиева

Военный университет МО РФ
Россия, 123001 Москва, ул. Б. Садовая, 14.

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН
Россия, 109004 г. Москва, ул. А. Солженицына, 25.

Тел.: +7 (916) 620 25 93.
Email: nuanar@yandex.ru

В статье проводится анализ морфонологических особенностей первых кириллических книг на казахском языке «Акыл бере тугун кнеге» (Из премудрости Иисуса сына Сирахова, Казань, 1891) и «Букварь для киргизь» (Казань, 1908), изданных в рамках деятельности Переводческой комиссии в конце XIX – начале XX вв., рассмотрены особенности употребления аффиксов в сопоставлении с данными современных казахских говоров, описанных казахскими диалектологами, и современного литературного языка. На основании сравнения полученных данных сделан вывод о том, что особенности употребления аффиксов в «Премудрости», в отличие от «Букваря», в большей степени совпадают с западным диалектом казахского языка.

В «Премудрости» зафиксирована еще одна особенность, которая свойственна не только говорам западного диалекта казахского языка, но и восточному диалекту башкирского языка. Речь идет о неполном стяжении в именах действия на -у.

Ключевые слова: казахский язык, литературный язык, миссионерская литература, диалект, говор, морфонология.

Введение

В конце XIX – начале XX вв. в рамках деятельности Переводческой комиссии были переведены и изданы духовно-назидательные книги на казахском языке. Издания эти были написаны кириллическим алфавитом, разработанным Н. И. Ильминским на основе русской азбуки. Значимость этих книг для исследователей истории развития и становления казахского литературного языка трудно переоценить. Так как, во-первых, они дают возможность выявить отличительные и общие сохранившиеся черты между современным казахским литературным языком и языком кириллических памятников, а возможно, и определить диалектную принадлежность этих текстов, во-вторых, исследования и анализ письменных памятников позволяют реконструировать состояние и эволюцию казахского языка на определенном этапе его развития.

Следует отметить, что исследованию первых кириллических книг на казахском языке были посвящены труды А. В. Дыбо, Ю. В. Норманской [8], Н. Г. Шаймердиновой [16]. В этих работах описываются и анализируются графико-фонетические особенности языка памятников. Авторы, в частности А. В. Дыбо и Ю. В. Норманская, совмещают лингвистические исследования особенностей употребления графем, передающих гласные и согласные звуки, с внешней информацией о месте создания и авторах того или иного текста, что, по их мнению, позволит использовать первые кириллические

книги в качестве важного источника для изучения истории казахских диалектов и процесса становления современного литературного языка [8, с. 138].

Безусловно, эти исследования дали толчок для дальнейшего изучения первых кириллических памятников на казахском языке не только на фонетическом, но и на морфонологическом и лексическом уровнях. Так как, несмотря на имеющиеся исследования, посвященные этой теме, полноценного анализа морфонологических и лексических особенностей текстов памятников не проводилось. В связи с этим мы сочли необходимым для начала рассмотреть морфонологические и морфологические особенности памятников «Из премудрости Иисуса сына Сирахова» (Казань, 1891) и «Букварь для киргизь» (Казань, 1908), с корпусом и конкордансом которых можно ознакомиться на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>.

1. Морфонологические особенности

1.1. Формы именного склонения

Морфонологический анализ форм именного склонения в [Премудрости] позволил установить некоторые отклонения от норм литературного языка. В частности, они были выявлены в оформлении генитива (выражает принадлежность), аккузатива (падеж прямого объекта) и аблатива (выражает исходную точку действия).

В современном литературном казахском языке генитив (*ilik sentik*) образуется при помощи аф-

фиксов: 1) *-ныI/ниI*, если основа оканчивается на гласные (кроме *у, и*) и сонорные *м, н, I*; 2) *-дыI/диI*, если основа оканчивается на звуки *у, и*, шелевые сонорные *р, л*, среднеязычный *й*, неслоговой *у* и звонкие согласные *ж, з*; 3) *-мыI/миI*, если основа оканчивается на глухие согласные и звонкие согласные *б, в, г, д*, которые оглушаются в абсолютном конце слова.

Формант аккузатива (*табыс септік*) имеет следующие варианты: после гласных основ *-ны/ни*, после сонорных и *з, ж* *-ды/ди*; после глухих согласных и *б, в, г, д* *-мы/ми*.

В притяжательном склонении (в казахском языке существует два склонения, в зависимости от наличия или отсутствия грамматического показателя обладателя: простое склонение (безотносительно к обладателю) и притяжательное (с указанием обладателя)), т.е. при присоединении показателей аккузатива, локатива и датива к именам с аффиксами посессивности 3-го л. (*-сы/ci/-ы/i*) падежные форманты выражаются следующими аффиксами: (Acc.) *-н* – *атасын* ‘деда его’; (Loc.) *-нда/нде* – *атасында* ‘у деда его’; (Dat.) *-на/не* – *атасына* ‘к его деду’, после аффиксов посессивности 1 и 2 л. ед. ч. датив выражается формантами – *а/е* – *атама* ‘деду моему’, *льжеме* ‘бабушке моей’, *атаға* ‘деду твоему’ (сингармоническое согласование при выборе падежного аффикса определяется качеством гласного (палатальный/велярный) последнего слога слова).

В [Премудрости] мы выявили следующую особенность употребления аффиксов генитива и аблатива в нескольких словоформах: при сонорном *-н* в ауслауте основы добавляется аффикс родительного падежа *-дыI* вместо *-ныI*. Например, *катындын* ‘женщины, жены’, *замандын* ‘времени, эпохи’, *аспандын* ‘неба’. Наряду с этим встречаются формы, соответствующие литературной норме: *кянинн* – лит.каз. *кӓнниI* ‘солнца’; *катыннын* – лит.каз. *қатынныI* ‘женщины’.

В словах с ауслаутными *-н, -I* употребляется аффикс аблатива *-дан/ден* вместо *-нан/нен*: *яйнден* ‘из дома твоего’, *куанышындан* ‘от радости твоей’, *сурагандан* ‘чем просить’, *тезнен* ‘быстро’. Интересно отметить, что в «Грамматике киргизского языка» в разделе *Фонетика* В. В. Катаринский указывает, что иногда при выборе аффикса аблатива имеют место изменения звуков. К таким изменениям он относит переход *д > н* в аффиксе исходного падежа после ауслаутных сонорных *м, н, н*. Например: *шамнан* ‘со свечи’ вм. *шамдан*, *атыннан* ‘от твоей лошади’ вм. *атындан* [10, с. 7]. То есть преимущественно употреблялась форма аблатива на *-дан/ден* после ауслаутных *-н, -I*, как и в нашем памятнике. Из этого следует, что форма аблатива *-дан/ден*, употреблялась наряду с аффиксом *-нан/нен*, ныне соответствующей литературной норме, после сонорных *м, н, н*. Дело в том, что в современном литературном казахском языке после

звуков *м, н, н* в ауслауте локатив и аккузатив оформляется аффиксами (Loc.) *-да/де*; (Acc.) *-ды/ди*, а генетив и аблатив – (Gen.) *-ныI/ниI*, (Abl.) *-нан/нен*. По всей вероятности, такие изменения связаны с историческим развитием тюркской падежной системы.

В древнетюркских письменных памятниках функции и значения локатива были намного шире. Он использовался не только в значении места пребывания, времени совершения действия, но и места исхода: *tnlda unqar* – ‘произноси’ (букв. *выводи с языка*) [6, с. 704]. Это можно заметить и по сохранившемуся в казахском языке вопросительному местоимению *қайда?* в значениях *где? куда?* и по указательным местоимениям с аффиксом местного падежа *осында, мұнда* ‘здесь, сюда’, *сонда* ‘там, туда’ в значении места и направления. Например: *ол осында болды* – ‘он был здесь’; *сен осында кел* – ‘ты приходи сюда’. В казахском литературном языке встречается также параллельное употребление слов в локативе и аблативе в значении места: *қалада кърдім/қаладан кърдім* ‘видел в городе’.

В то же время аффикс местного падежа встречается в составе многочисленных наречий. Утратив свои некогда словоизменительные функции, аффикс местного падежа перешел в разряд омонимичных словообразующих аффиксов: *кейде* (иногда), *анда-санда, льшейінде* (обычно) и др. Это же явление можно заметить в словах в форме аблатива, которые подверглись адвербиализации. Например: *баяғыдан* (издавна), *аяқ астынан* (неожиданно, внезапно), *кенеттен* (вдруг).

Аблатив, выраженный аффиксами *-дан/-данjan/-dantajan/-dantan*, очень редко, но встречается и в древнетюркских памятниках. Проиллюстрировать это можно примерами из памятника в честь Тоньюкука: *tabgau beridñjñ teg* – Табгачи, нападите с юга; *Ben jürdantajan tegdjin* – нападу-ка я с севера (Тон¹¹) [7, с. 102, 285]; *oñdñn qağanzaru sь jorilim* – отправимся-ка походом спереди (~ с востока) (Тон²⁹) [6, с. 409]; *oguzdantan kürьg kelti* – от огузов пришел лазутчик (Тон⁸) [7, с. 339]. По предположению А. М. Рясенена, аффикс аблатива *-дан* происходит от формантов локатива *-да* и инструменталиса *-н*. Б. С. Серебрянников же считает, что аблатив сформировался на основе форманта локатива *-да* и латива *-н* (этим именем иногда называют особый вид винительного падежа; это бывает в тех случаях, когда объект выражает цель, к которой направлено действие (винительный цели), выраженное глаголом [3, с. 214]) [15, с. 163]. Это говорит о том, что изначально в значении местно-исходного падежа употреблялись форманты локатива, выражавшие как локативные, так и аблативные значения. Следовательно, формант аблатива *-дан*, образованный от аффикса *-да* локатива, все еще употреблялся в казахской речи после ауслаутных сонорных *м, н, I* во времена написания кириллических памятников.

Также можно отметить особенности употребления инструменталис-комитатив в [Премудрости]. В разряд падежного аффикса этот формант перешел довольно-таки поздно в процессе грамматикализации послелога *біле*, *бірле*. В образцах письменной литературы конца XIX в. и начала XX в. функцию инструментального падежа выполняло служебное слово *більн*, *бірльн*, *мінльн*, которое в дальнейшем использовалось в виде *мьльн*, а затем приобрело форму *менен/бенен/пенен* и *мен/бен/пен* [10, с. 92]. Дело в том, что этот специфический падеж имеет три фонетических варианта, которые не подчиняются закону небной гармонии, но закон гармонии согласных при этом соблюдается. Однако в [Премудрости] мы встречаем иную картину. В первых, аффикс падежа пишется все еще отдельно от имени, в отличие от других падежных аффиксов, во-вторых, как видно из *табл.*, в словах нарушена ассимиляция согласных. После основ с конечными

глухими согласными присоединяется аффикс с анлаутным *-м* или *-б*, в то время как после основ с конечным звонким *-з* выбирается аффикс с анлаутным *-п* (в тексте книги встречаются также формы, соответствующие литературной норме).

По мнению М. Т. Томанова, постепенное разделение служебного слова *біле* на падежный аффикс *-мен* и служебное слово *мен* (*менен*, *пенен*) – процесс, происходивший в разговорной речи казахов. На это указывает и то, что эти два элемента встречаются как в разговорной речи, так и в говорах казахов в различных фонетических вариантах. В просторечии наряду с литературными формами употребляются варианты: *мынан*, *пынан*, *бынан* [15, с. 166–167].

Итак, данные анализа морфонологических особенностей в двух памятниках можно представить в следующей *табл.*:

Таблица

Морфонологические особенности употребления аффиксов в [Премудрости 1891] и [Букварь 1908]

	Литературные соответствия	Западные диалектные книги [Премудрости]	Северные диалектные книги [Букварь]
основы с конечным -п; -п			
Gen.	<i>-nVng</i> <i>Қатынныг</i> ‘женщины, жены’	<i>-dVng</i> <i>Қатындыг</i> ‘женщины, жены’	-
Abl.	<i>-nVn</i> <i>Цийінен</i> ‘из дома твоего’	<i>-dVn</i> <i>цйнден</i> ‘из дома твоего’	-
Pl	<i>-dVr</i> <i>Тұрғандарға</i> ‘стоящим’	<i>-nVr</i> <i>Турғаннарға</i> ‘стоящим’	-
основы с конечным -j			
Acc.	<i>-dV</i> <i>Құдайды</i> ‘Бога’	<i>-nV</i> <i>Қудайны</i> ‘Бога’	-
Pl	<i>-IVr</i> <i>Цйлеріне</i> ‘в их дома’	-	<i>-dVr</i> <i>цйдирине</i> ‘в их дома’
основы с конечным -l			
Nom. Abstr.	<i>-dVk</i> <i>Осалдық</i> ‘слабость’	<i>-IVk</i> <i>Осаллык</i> ‘слабость’	-
основы с конечным шумным			
Acc.	<i>-dV</i> <i>Патшамызды</i> ‘царя нашего’	-	<i>-nV</i> <i>Патсамызны</i> ‘царя нашего’
Instr.	<i>-pVnVn</i> <i>Сарагдықпенен</i> ‘с жадностью’	<i>-mVnVn</i> <i>Сарандық менен</i> ‘с жадностью’	-
Abl.	<i>-dVn</i> <i>Тезден</i> ‘быстро’	<i>-nVn</i> <i>Тезнен</i> ‘быстро’	-
ConV.	<i>-ta-</i> <i>Ұлықтап</i> ‘возвеличивая’ <i>Хоштанып</i> ‘радуясь’	<i>-la-</i> <i>Олуқтап</i> ‘возвеличивая’ <i>Кошланып</i> ‘радуясь’	-
Nom. Abstr.	<i>-IVk</i> <i>Жұмсақтық</i> ‘мягкость’	<i>-IVk</i> <i>Жұмсалық</i> ‘мягкость’	-
Pl	<i>-IVr</i> <i>Жазықтарымды</i> ‘мои грехи’	<i>-IVr</i> <i>Жазықларымды</i> ‘мои грехи’	-
основы с конечным сонорным -r			
ConV.	<i>-Vl-</i> <i>Беріліп</i> ‘отдавись’	<i>-Vn-</i> <i>Бериніп</i> ‘отдавись’	-

Соответствие $l \sim d$ наблюдается также в восточной группе говоров в начале некоторых аффиксов. Например: *bijeder* в.м. *bijeler* ‘кобылица’, *ɛjder* в.м. *ɛjler* ‘дома’, *zordyq* в.м. *zorlyq* ‘насилие’, *ırdap ketu* в.м. *ırlap ketu* ‘украсть’, *birdi-ħarym* в.м. *birli-ħarym* ‘немного’, ‘малочисленный’, *neğürdü kır* в.м. *neğürüm kır* ‘чем больше’ и др [14, с. 184–185].

Таким образом, анализ двух книг показывает единичные случаи отклонений в употреблении формантов аккумулятива и множественного числа имен существительных. После основ с ауслаутными $-й$, $з$ употребляется форма аффиксов $-ні/ны$ в.м. $-di/ды$: *Кудайны* ‘Бога’ в.м. *Құдайды*; *патсамызны* ‘царя нашего’ в.м. *патшамызды*.

В показателях мн.ч. имен существительных употребляются: *турганнарға* ‘стоящим’ в.м. *Тұрғандарға*; *священникдер* ‘священники’ в.м. *Священниктер*; *жазықларымды* ‘грехи мои’ в.м. *Жазықтарымды*; *яйдирине* ‘в их дома’ в.м. *Ййлеріне*. Как известно, показатель множественности в современном литературном казахском языке выражается шестивариантным аффиксом, аллофон которых выбирается в зависимости от типа конечного звука основы: $-лар/лер$ (после гласных, $-р$, $й$, $у$), $-дар/дер$ (после $л$, $м$, $н$, $п$), $-тар/тер$ (после глухих и $б$, $в$, $г$, $д$). Как показывает анализ, в текстах книг в большей степени употребляются литературные варианты слов.

Из табл. следует, что в [Премудрости], пусть даже в небольшом количестве, реализуются формы аффиксов, отличающиеся от фонетических норм литературного языка, в то время как в [Букварь] имеют место единичные случаи отклонения. Это говорит о том, что [Букварь], в отличие от [Премудрости], все-таки написан на литературном казахском языке, формирование которого большинство казахских языковедов датируют второй половиной XIX в., когда были изданы первые казахские книги и стали выходить газеты [2, с. 169, 232].

Кроме того, в [Премудрости] модальное слово *керек* ‘необходимо’ сочетается с именем действия в дативе, а не в номинативе, как в литературном языке: *тұзеп туруга керек* в.м. *тұзеп тұру керек* ‘необходимо исправлять’; *ағұттеуге керек* в.м. *Ағттеу керек* ‘необходимо наставлять’; *кәндіге керек* в.м. *кәндігу керек* ‘необходимо свыкаться’. Исследователь западного диалекта казахского языка А. Нурмагамбетов указывает на аналогичную особенность в центральном говоре западного диалекта [13, с. 86].

1.2. Образование глаголов, глагольных форм и имен существительных

Среди других особенностей [Премудрости] можно назвать образование действительного и возвратного залогов глагола. В вариации слова *берік* ‘прочный, крепкий’ сохраняется звук $р$: *беркіту* ‘укреплять’ в.м. лит. каз. *бекіту*; *беркіну* ‘окрепнуть’ в.м. *беку*. Отметим, что С. А. Аманжолов называет это типичной диалектальной чертой речи

жителей западного региона Казахстана, приводя те же самые примеры [2, с. 408]. Эту же особенность мы видим в реализации глагола *қадарғалау* ‘караулить, следовать’ в.м. *қадағалау*.

В [Премудрости] зафиксированы также глагольные формы *олукдаганға* ‘возвеличивающему’, *олуклап* ‘возвеличивая’, *қолданып* ‘радуясь’, *тынышландырады* ‘успокаивает’, образованные с помощью формы суффиксов с анлаутным $-л$, в отличие от лит. каз. $-т$. В образовании имен существительных используются формы аффиксов с начальным $-л$ вместо лит. каз. $-т/-д$, см. табл.

2. Морфологические особенности

Необходимо отметить, что аффиксы, представленные в [Премудрости] и [Букварь] все же в большей степени соответствуют нормам современного литературного казахского языка. В качестве отклонений можно отметить формы причастий будущего времени на $-ыр/-ур$: *зорайырсын* ‘возвеличишься’, *орырсын* ‘пожнешь’, *шығарыр* ‘выведешь’, *алырсын* ‘получишь’, *болурсын* ‘будешь’, *сүйіңір* ‘будет восторгаться’, *турур* ‘будет стоять’.

Известно, что в языке древнетюркских памятников формант $-ар/ер$ употреблялся в основах с открытыми гласными, $-ыр/ір$ – с узкими гласными и $-ур/ур$ – с лабиальными. Как отмечают языковеды, основы с формантом $-ыр$ употребляются в памятниках намного чаще, чем с $-ар$ [15, с. 230]. В западном диалекте казахского языка встречается соответствие $а-у$ в глагольных формах *болур* (*олур*) в.м. *болар* ‘будет’. Как отмечает С. А. Аманжолов, это напоминает древнеаргынский (Аргыны являются одним из крупных племенных союзов казахского народа; по утверждению М. Кашгари, они жили между Сайрамом и Баласагуном [2, с. 48]) и огузский диалекты [2, с. 399].

В качестве еще одной особенности можно отметить неполное стяжение в именах действия на $-у$ (здесь наблюдается добавление звуков $-а/-е$ перед суффиксом $-у$ имени действия): *береуди* в.м. *беруді* ‘дать, подавать’, *білеуге* в.м. *білуге* ‘знать, узнать’, *жорау* в.м. *жору* ‘предсказывать’, *рянжітеу* в.м. *ренжіту* ‘обижать’ и т.д. Такое явление было зафиксировано в говорах западного диалекта казахского языка [13, с. 88] и в восточном диалекте башкирского языка [12, с. 195].

В числе других особенностей можно отметить добавление незтимологического звука $д$ в сравнительной степени прилагательных. Перед суффиксом $-рак/рек$ вставляется звук $-д$. Например: *жеңілдрек* – лит. каз. *жегілірек* ‘легче’. Такая же особенность зафиксирована в «Материалах к изучению киргизского наречия» Н. И. Ильминского: *жамандырақ* в.м. *жаманырақ* ‘хуже’, *Лкендірек* в.м. *Лккенірек* ‘больше’ (такая особенность была выявлена Ж. Болатовым в говоре жителей Восточно-Казахстанской области, ученый считает, что это более древняя форма прилагательных). Автор пи-

шет, что языковые материалы собраны им частью в Оренбурге, частью в западной части зауральской степи в кочевьях семиродцев и баюлинцев [9, с. 109]. Хотя Н. И. Ильминский не посвятил сей труд изучению диалектов казахского языка, тем не менее, он оказался одним из ценнейших источников по казахской диалектологии. По мнению С. А. Аманжолова, материалы книги относятся к диалекту алшынского племенного союза (одно из крупных племенных объединений казахов Западного Казахстана и приграничных территорий сопредельных государств) [2, с. 174], а отмеченную выше особенность он причисляет к западному диалекту.

Можно отметить еще одну особенность в [Премудрости]. Так, вместо глагола *ьсіру* или *ьсірту* ‘выращивать’ употребляется *ьсірту*, где звук *-т*, по всей вероятности, является аффиксом понудительного залога.

Таким образом, выявленные морфонологические и морфологические особенности [Премудрости] указывают на то, что они в большей степени соответствуют говору жителей западных областей Казахстана. Здесь зафиксированы древние формы аффиксов причастий и имен существительных, которые, по всей вероятности, сохранялись в речи казахов во время написания кириллических книг на казахском языке. Анализ [Премудрости] показал, что морфонологические варианты аффиксов соответствуют западному говору, о чем свидетельствуют исследования казахских диалектологов. В словарях живых диалектов, представленных на сайте lingvodoc.ispras.ru, мы не выявили такие особенности. Скорее всего, зафиксированные морфонологические особенности являются архаичной формой западной группы говоров.

Что касается [Букварь], то в нем практически отсутствуют какие-либо морфонологические особенности по сравнению с литературным казахским языком, за исключением употребления аффикса множественного числа с анлаутным *-d* в м. *-l* в основах с конечным *-j*: *яйдурине* в м. *Јілеріне* ‘в их дома’ и аффикса аккузатива *-ны* в м. *-ды* после шумной звонкой согласной *-z*: *патсамызны* в м. *патшамызды* ‘царя нашего’. Это свидетельствует о том, что [Букварь], в отличие от [Премудрости],

был написан на литературном казахском языке, формирование которого датируют второй половиной XIX в.

Безусловно, выводы, сделанные в рамках этой статьи, имеют исключительно предварительный характер. Представляется немаловажным дальнейшее исследование письменных памятников, созданных в рамках деятельности Переводческой комиссии, а также продолжение полевых работ по сбору и обработке аудиословарей казахских говоров с целью описания фонетических, морфологических и лексических особенностей языка первых кириллических книг и сравнения их с современным литературным языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акыл бере тугун кнеге. Изъ Премудрости Исуса сына Сирахова. Казань, 1891.
2. Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы: Санат, 1997. 608 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
4. Баскаков Н. А., Хасенова А. К., Исенгалиева В. А., Кордабаев Т. Р. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Морфология. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 459.
5. Букварь для киргизь. Казань, 1908.
6. Гаджиева А. А. Анализ системы вокализма и консонантизма в первых кириллических книгах на казахском языке // Урало-алтайские исследования. 2019. №3(34). С. 53–71.
7. Древнепоркский словарь. Астана: Ыбылым, 2016.
8. Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования. 2016. №4(23). С. 138–152.
9. Ильминский Н. И. Материалы к изучению киргизского наречья. Казань, 1860.
10. Исаев С. Қазіргі қазақ тіліндегі негізгі грамматикалық ұғымдар.
11. Катаринский В. В. Грамматика киргизского языка. Фонетика. Этимология и синтаксис. Оренбург, 1906.
12. Максютлова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. С. 292.
13. Нұрмахамбетов Ы. Қазақ говорларының грамматикасы. Алматы: Ыбылым, 1986. 112 б.
14. Сарыбаев Ш. Ш. Диалекты казахского языка // Диалекты поркских языков. М.: Восточная литература, 2010. С. 177–204.
15. Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Алматы: Мектеп, 1988.
16. Шаймердинова Н. Г. Анализ системы консонантизма в казахских памятниках конца XIX – начала XX вв. // Урало-алтайские исследования. 2016. №4(23). С. 128–136.

Поступила в редакцию 24.03.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.24

**MORPHOPHONEMIC FEATURES OF THE FIRST CYRILLIC
BOOKS IN THE KAZAKH LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF THE BOOKS “WISDOM OF JESUS THE SON
OF SIRACH” (1891) AND “PRIMER FOR KYRGYZ PEOPLE” (1908))**

© A. A. Gadzhieva

*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14 Bolshaya Sadovaya Street, 123001 Moscow, Russia.*

*Ivannikov Institute for System Programming of RAS
25 A. Solzhenitsyn Street, 109004 Moscow, Russia.*

Phone: +7 (916) 620 25 93.

Email: nuanar@yandex.ru

In the late 19th – early 20th centuries as part of the activities of the Translation Commission of the Orthodox Missionary Society under the Fraternity of St. Guria, spiritual edifying books in the Kazakh language were translated and published. These editions were written in specific Cyrillic developed by N. I. Ilminsky on the basis of the Cyrillic alphabet. The significance of these books for researchers of the history of the development and formation of the Kazakh literary language can hardly be overestimated. Since, firstly, they provide an opportunity to identify the distinctive and common features between the modern Kazakh literary language and the language of Cyrillic books and possibly to determine the dialectic affiliation of these texts; secondly, research and analysis of the first books allows us to reconstruct the state and evolution Kazakh language at a certain stage of its development. The author of the article analyzes the morphological features of the first Cyrillic books in the Kazakh language “Akyl bere tugun knege” (“Wisdom of Jesus the son of Sirakh”, Kazan, 1891) and “Primer for Kyrgyz People” (Kazan, 1908), which were published within the framework of the Kyrgyz mission at the end of the 19th and the beginning of the 20th century. In the article, the features of the use of affixes are considered in comparison with the data of modern literary language and modern Kazakh dialects described by Kazakh dialectologists. On the basis of comparison of the obtained data, it was concluded that the features of the use of affixes in “Wisdom” (1891), unlike in “Primer”, are more consistent with the Western dialect of the Kazakh language.

Keywords: Kazakh language, literary language, missionary literature, dialect, morphology.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Akyl bere tugun knege. Iz Premudrosti Iisusa syna Sirakhova. Kazan', 1891.
2. Amanzholov S. A. Voprosy dialektologii i istorii kazakhskogo yazyka [Questions of dialectology and history of the Kazakh language]. Almaty: Sanat, 1997.
3. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sov. entsiklopediya, 1966.
4. Baskakov N. A., Khasanova A. K., Isengalieva V. A., Kordabaev T. R. Sopostavitel'naya grammatika russkogo i kazakhskogo yazykov. Morfologiya [Comparative grammar of Russian and Kazakh languages. Morphology]. Alma-Ata: Nauka, 1966. Pp. 459.
5. Bukvar' dlya kirgiz' [Primer for Kyrgyz people]. Kazan', 1908.
6. Gadzhieva A. A. Uralo-altaiskie issledovaniya. 2019. No. 3(34). Pp. 53–71.
7. Drevnyeturkskii slovar' [Old Turkic dictionary]. Astana: Jbylym, 2016.
8. Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. Uralo-altaiskie issledovaniya. 2016, No. 4(23). Pp. 138–152.
9. Il'minskii N. I. Materialy k izucheniyu kirgizskago nar'chiya [Materials for the study of the Kyrgyz language]. Kazan', 1860.
10. Isaev S. Kazirgi qazak tilindegi negizgi grammatikalыq yhymdar.
11. Katarinskii V. V. Grammatika kirgizskago yazyka. Fonetika. Etimologiya i sintaksis" [Grammar of the Kyrgyz language. Phonetics. Etymology and syntax]. Orenburg", 1906.
12. Maksyutova N. Kh. Vostochnyi dialekt bashkirskogo yazyka v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii [The Eastern dialect of the Bashkir language in comparative historical light]. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 292.
13. Nyrmaĥambetov Ы. Qazaq govorlarynyĭ grammatikasy. Almaty: Jbylym, 1986.
14. Sarybaev Sh. Sh. Dialekty tyurkskikh yazykov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. Pp. 177–204.
15. Tomanov M. Qazak tiliniĭ tarikhі grammatikasy. Almaty: Mektep, 1988.
16. Shaimerdinova N. G. Uralo-altaiskie issledovaniya. 2016, No. 4(23). Pp. 128–136.

Received 24.03.2020.